

Слухи уже долетели до дворца? Янь Шицзюнь чувствовал недовольство. Они просто хотят воспользоваться юным возрастом Его Величества, чтобы захватить власть. Не беспокойся, я справлюсь. Ты просто заботься о Его Величестве, не тревожься.

— Благодарю вас, старший брат.

— Зачем между нами говорить о благодарности?

Янь Шицзюнь сел рядом, положив руку на его плечо, и многозначительно произнёс:

— С самого детства я готов сделать для тебя всё.

Рука Наньгун Юйляна напряглась, и он, слегка нахмурившись, почувствовал странное ощущение, которое вызвало у него дискомфорт.

— Старший брат, я устал и хочу отдохнуть, — он незаметно встал.

Янь Шицзюнь, хотя и был недоволен, не стал спорить:

— Хорошо отдыхай, завтра я снова навещу тебя.

Выйдя из зала, его лицо мгновенно потемнело. Он чувствовал, что князь Цзинь всё ещё жив, жив в сердцах всех, особенно в сердце Наньгун Юйляна.

До смерти князя Цзинь он убеждал себя, что Наньгун Юйлян помнит о нём из-за ненависти. Но князь Цзинь умер, умер у него на глазах, а Наньгун Юйлян остался таким же — он не видел никого, кроме того, кто ушёл.

Юйлян, я уничтожу всё, что связано с князем Цзинь, включая его образ в твоём сердце. Ты больше не должен думать о других.

В резиденции Ван Гуанци князь Наньнин Цинь Чэнь ждал в цветочном зале. Когда Ван Гуанци вернулся, он нерешительно встал и поклонился.

— Канцлер.

— Ваше Высочество, — Ван Гуанци тут же ответил на поклон, улыбаясь. — Вы слишком любезны.

Цинь Чэнь посмотрел на него, губы его дрогнули. Ван Гуанци, видя его нерешительность, продолжил:

— Ваше Высочество, не беспокойтесь. Я уже отправил маркиза Вэня разобраться с князем Аньсян. Скоро в столице останется только Вы, достойный занять трон.

— Благодарю вас, канцлер, — Цинь Чэнь кивнул, его молодое лицо исказилось, приняв мрачное выражение.

Ван Гуанци понимал его ненависть. Этот человек, который должен был сидеть на троне, из-за Наньгун Юйляна, Янь Шицзюня и князя Цзинь потерял мать, а его род был уничтожен.

Когда-то блистательный принц теперь оказался в положении хуже, чем сын низложенного императора. Как он мог смириться с этим? Как мог не ненавидеть?

Недовольство и ненависть порождают амбиции и желания, и эти амбиции и желания можно использовать. Янь Шицзюнь? Он недостойн. Пусть он и его вдовствующая императрица отдадут власть и исчезнут!

На обширных равнинах северных земель, где не было ни единого укрытия, казённый тракт, выложенный жёлтой землёй, пролегал прямо через них. Десяток скакунов мчался вперёд, их всадники с серьёзными лицами игнорировали величественные заснеженные пейзажи гор Ци.

Они почти доскакали до горизонта, прежде чем остановиться. Глава группы, взглянув на карту, обернулся и поклонился:

— Маркиз, впереди недалеко город Шочэн. Оттуда до Сюаньчэна рукой подать.

— Хм, — Ань Цзыци мельком взглянул на заснеженный пик, слегка нахмурился. — Поехали.

— Да, — едва переведя дух, подчинённый тут же ударил кнутом, не смея медлить.

Сюаньчэн.

Жу Инь стояла перед военной резиденцией, увидев человека перед собой, её ноги подкосились, и она упала на колени.

— Генерал.

Ван Мэн, увидев их, дрожащими руками бросился вперёд и обнял Ван Чанчжуна.

— Жу Инь, жена и Пин... — его губы дрожали, он не мог произнести это вслух.

— Маркиз Вэнь сошёл с ума! — Жу Инь, вспомнив тот день, содрогнулась. — Я подвела генерала.

Ах... Когда давно известная правда была наконец произнесена, Ван Мэн вскрикнул от боли, его глаза налились кровью, голова опустилась, и он зарыдал.

— Жу Инь, я отомщу.

Князь Цзинь на горах Сыфан, жена и Пин — за каждую каплю крови придётся заплатить.

Человеческие трагедии, пока о них не знаешь, кажутся незначительными.

В маленькой хижине в западном пригороде столицы шестой господин Бай сидел, закинув ногу на ногу, наслаждаясь моментом. Рядом сидел господин Цюй, держа в руке чёрную фишку и ммуря брови.

— Господин Цюй, если ты будешь так долго думать, солнце уже зайдёт.

— Не буду больше играть, — Цюй Фэнхуэй швырнул фишку обратно. — У меня нет твоей привычки к изысканным развлечениям.

— Даже в игре не можешь проиграть с достоинством, — усмехнулся Цинь Юй.

— Только бездельники играют в эту ерунду, — Цюй Фэнхуэй закатил глаза, перемешал фишки и откинулся на стуле, глядя в небо.

— Почему ты не живёшь у себя, а ютишься в моей маленькой хижине? — Цинь Юй, подбирая фишки, недовольно спросил.

— Этот Бай, у тебя есть совесть? Я пришёл сюда, чтобы сжечь для тебя погребальные деньги. Где мне жить?

— Я ещё не умер, зачем мне погребальные деньги?

— Бессовестный, — вздохнул Цюй Фэнхуэй, затем, помолчав, добавил:

— Это твой дом? Ты такой же, как я.

Как я могу быть таким, как ты! Цинь Юй фыркнул, собираясь возразить, но в этот момент вернулся настоящий хозяин дома.

Линь Ваньфэн, открыв ворота, увидел двух господ, сидящих с ногами на столе и болтающих.

— Этот Бай, сколько ещё будешь здесь жить за мой счёт? Когда вернёшь долг? — Линь Ваньфэн спросил без особой учтивости.

— ... — шестой господин Бай безразлично пожал плечами.

— И ты, — Линь Ваньфэн посмотрел на Цюй Фэнхуэя, холодно сказал:

— Он хромой, поэтому живёт за мой счёт. А ты что, тоже хромой?

— Я просто немного прихрамываю, — слабо возразил шестой господин Бай.

— Это моя вина, — Цюй Фэнхуэй с улыбкой извинился. — Я побеспокоил вас эти дни. Вот немного серебра, примите.

Получив серебро, Линь Ваньфэн поднял бровь, бросив косой взгляд на шестого господина Бая:

— Этот Бай, поучись у него.

Линь Ваньфэн медленно вошёл в дом, а Цинь Юй с удивлением уставился на Цюй Фэнхуэя. Тот, заметив его взгляд, вздрогнул.

— Шестой господин, почему ты так смотришь на меня?

— Этот Цюй, когда ты стал таким сговорчивым?

Цюй Фэнхуэй усмехнулся, скрестив руки на груди:

— Я никогда не позволяю красавцам сердиться, тем более такому, как Линь Ваньфэн.

М-м... Цинь Юй посмотрел на него, затем повернулся и, скрестив руки, медленно сказал:

— Этот Цюй, если ты посмеешь заглядываться на Сяофэна, я убью тебя.

Цюй Фэнхуэй посмотрел на него, не удивившись, и небрежно ответил:

— Ты занимаешь человека, но ничего не делаешь, разве мне нельзя думать?

— Проваливай, я не хочу, чтобы Ма У умер с открытыми глазами, — Цинь Юй посмотрел на

него, приблизившись. — Последнее желание Ма У было, чтобы Сяофэн женился и завёл детей. Если ты посмеешь думать о нём, я лишу тебя мужского достоинства.

— Хорошо, этот Бай, — Цюй Фэнхуэй посмотрел на Линь Ваньфэна, который подходил к ним, и нарочно спросил:

— А ты?

— Я его отец!

— Чей отец? — Линь Ваньфэн ударил шестого господина Бая по затылку, закатав рукава. — Этот Бай, ты опять за своё?

Цинь Юй, держась за голову, вскочил и заметил самодовольную улыбку Цюй Фэнхуэя:

— Этот Цюй, убирайся отсюда, не живи в моём доме.

— Я заплатил, в отличие от некоторых, — Цюй Фэнхуэй покачал головой, небрежно сказав:

— Которые пользуются своей хромотой...

— Этот Цюй...

— Замолчите! — Линь Ваньфэн крикнул, глядя на них. — Это мой дом. Кто ещё скажет лишнее слово — выметайтесь.

Линь Ваньфэн направился в дом, по пути крикнув:

— Этот Бай, иди работать.

— Иду, — Цинь Юй, уходя, пнул Цюй Фэнхуэя, чтобы хоть немного успокоить свою злость.

Цюй Фэнхуэй сидел на месте, отряхивая след от ботинка на своём халате, и слушал, как шестого господина Бая ругают на кухне. Он улыбнулся, повернулся и снова уставился в небо.

Ма У, я думаю, ты, скорее всего, умрёшь с открытыми глазами. Лучше бы ты поднялся и задушил его!

Сюаньчэн.

— Герой Бай ночью проник в княжескую резиденцию, князь был ранен. Чтобы задержать героя Бая, он пообещал вернуться в Далян в течение десяти дней, — Ван Мэн кратко объяснил.

На самом деле он и сам не понимал всех деталей, знал только, что князь Цзинь пообещал Бай Юньфэю, а обещания князя Цзинь всегда выполнялись.

— Поэтому решили уйти так поспешно, — Ань Цзыци сжал кулак, стараясь сохранять спокойствие. — Почему не схватили Бай Юньфэя?

— В то время в столице было напряжённо, князь приказал не разглашать это и тайно поручил Ван Гуанци и Лу Цуну искать героя Бая. Князь не хотел, чтобы Янь Шицзюнь и другие узнали, — Ван Мэн опустил голову, его голос становился всё тише.

— Почему не убили его! — Ань Цзыци гневно выкрикнул.

Убили? Ван Мэн взглянул на него, затем опустил глаза, не отвечая. Ань Цзыци понял его молчание и горько усмехнулся.

— Ван Гуанци намеренно скрыл это от князя, а потом... — Ван Мэн открыл рот, сжал кулак, но не продолжил.

Ань Цзыци холодно продолжил:

— Потом Ван Гуанци узнал от Бай Юньфэя, что князь собирается покинуть столицу, связался с князем Чжао, и войска Чжао ночью достигли Восточных гор, перехватили Ли Ханя и его людей. А князь был загнан в горы Сыфан и больше... не вернулся.

Даже я сам чувствую, что всё запутано.

<http://bllate.org/book/16170/1453136>